

Ли Да гнал повозку к родным краям. Налегке, без поклажи и лишних людей, дело шло споро. Выехав еще до рассвета, он лишь ненадолго остановился в полдень, чтобы накормить мула и самому перекусить парой баоцзы, запивая их холодной водой. Когда возница добрался до деревни Сипин, сумерки только начали сгущаться, и небо еще хранило остатки дневного света.

Деревенская детвора вовсю резвилась у ворот, а взрослые как раз вышли зазывать их на ужин, когда увидели возвращающегося соседа. О еде тут же забыли — всех захлестнуло любопытство.

— Что это ты один воротился? — посыпались вопросы.

— Неужто Чжоучжоу и наш учёный Гу решили навсегда в округе остаться?

— Ну, рассказывай, как там город? Говорят, люди там в шелках ходят и в палатах живут!

Ли Да был человеком неразговорчивым и никогда не любил бабьи сплетни, но тут не выдержал. Он прикрикнул на мула, спрыгнул с повозки и бросил:

— Какое там «хорошо»! Сняли старый двор, крыша течет, а платить за это безобразие приходится по одиннадцать лянов в год.

— Одиннадцать лянов за дырявую крышу? — ахнул кто-то. — Да если покупать, так это и не дорого совсем, подлатать — и живи...

— В том-то и дело, что это только за аренду, — перебил Ли Да. — О покупке и мечтать нечего, не по карману нам.

Расспрашивавшие застыли в изумлении. Неужто за развалюху просят такие деньжищи? Сто лянов, не меньше? Но мужчина, не дожидаясь новых расспросов, повел повозку во двор. Селянам оставалось лишь расходиться по домам, чтобы завтра заставить своих мужей разузнать всё поподробнее.

К ночи вся деревня уже знала: Ли Да вернулся. И не просто вернулся, а привез вести о том, что в округе они сняли дырявый двор за баснословную цену. Многие не верили:

— Да быть не может! У Ли Да было сто лянов серебра, неужто они на такое разорились? Верно, ослышался кто-то.

— Завтра сам спроси у него, он сам так и сказал.

Хоть в деревне и хватало любителей посудачить, мужчины тоже сгорали от любопытства: какова она, жизнь в округе? Раньше они слышали только хвастовство Ли Эра и его жены, но те всегда приукрашивали. Рассказывали, как прекрасен город и какой большой человек их Ли Сань. А что в итоге? Как дело дошло до нужды, так этот «большой человек» к родителям за зерном прибежал.

На следующее утро мужчины, наскоро позавтракав, отправились в поля. Жатва была на носу, и нужно было заранее подготовить чеки, чтобы после уборки пшеницы без суеты высадить рис. Ли Да тоже вышел в поле. Он отсутствовал почти десять дней и очень беспокоился о своем наделе. После сна в городе родной кан показался ему удивительно удобным. С утра он на скорую руку сварил кашу из смеси злаков, решив заняться лепешками позже.

Во дворе у него теперь не было ничего ценного, так что он просто прикрыл ворота, не запирая их. В поле его тут же обступили соседи, желая проверить слухи.

— Правду говорят про дырявый двор и одиннадцать лянов? — выкрикнул кто-то.

— Чистую правду, — подтвердил Ли Да.

— Да как же так дорого! — ахнули мужики. — Небось двор-то огромный?

Тот покачал головой:

— Какое там «огромный». Наполовину меньше, чем передний двор у любого из вас. Сперва мы присмотрели хороший вариант, но там просили двадцать лянов в год. Чжао-эр сказал, что если столько тратить на жилье, то все деньги на учебу быстро разлетятся. В итоге нашли подешевле: четыре комнаты в главном строении, да и те меньше наших деревенских, и два флигеля. Вот и всё.

— И за это одиннадцать лянов? Да у нас в деревне за эти деньги, ну, добавив еще пару лянов, можно новый дом из синего кирпича под черепицей поставить!

— И места было бы в разы больше.

— Ваша правда, — согласился Ли Да. — И на канах там не спят, всё кровати подавай. Я как глянул на них — махонькие, ноги свешиваются. Пришлось на заказ делать, по полтора ляна за штуку.

— Полтора ляна за одну кровать?! — мужики, бросив работу, окончательно обступили Ли Да. Всем хотелось послушать про городские диковины.

— Там за каждый шаг платить надо, — продолжал он. — Глоток воды — и тот за деньги, благо у нас во дворе колодец оказался.

Он чувствовал, что под ногами у него родная земля, и от этого на душе становилось спокойно.

— Почему я там задержался? Да двор до того запущенный был, что мы с Чжоучжоу сами кирпич да черепицу покупали, всё латали. Иначе там и жить нельзя было бы.

Мужчины начали качать головами: мол, ничего хорошего в этой округе нет, лучше бы Ли Да уговорил своих вернуться.

— Чжоучжоу там один, я за него беспокоен. Чжао-эр целыми днями в академии, мало ли что случится — присмотреть надо.

С этими словами Ли Да принялся за работу. К обеду новости разошлись по всем домам.

— ...Представляете, за ту развалюху просили сто двадцать лянов при покупке! Откуда у них такие деньги? Вот и пришлось снимать.

— А мы-то думали, они там в роскоши купаются, а живут-то хуже, чем у нас в деревне.

— Вот именно. Кажется, что сто лянов — это гора денег, а как начнешь по десять в год за жилье отдавать... Гу Чжао три года учился, пока звание получил, а экзамен на цзюйжэня куда сложнее. Лет семь-восемь проучится — и денег как не бывало.

Тут все вспомнили учёного-цзюйжэня Пэна, который уже десять лет как сюцай и дальше ни с места.

— Я-то думал, как сюцаем станешь — так сразу жизнь медом пойдет, не то что у нас, пахарей. А они там каждую монету считают. Будь у меня сто лянов, ни за что бы в город не поехал аренду платить. Купил бы земли, дом поставил — вот это жизнь!

— И то верно. Урожай нынче добрый, в загонах свињи да куры — мясо на столе не переводится.

Сплетни сделали свое дело: зависть сменилась жалостью. Селянам теперь казалось, что семья Ли совершила крайне невыгодную сделку. Ли Чжоучжоу и Гу Чжао далеко, а Ли Да — один в пустом доме, сам себе готовит, сам хозяйство ведет. То одна соседка, то другая стали предлагать ему свежие маньтоу или лепешки. Он не отказывался: отдавал муку взамен на готовую еду.

Даже во дворе Ли Эра и в доме Син-гэ'эра, когда готовили что-то вкусное — тушили мясо или варили курицу, — посылали Ли Гуанцзуна или Ван Шитоу отнести тарелку Ли Да. Так что жизнь в деревне для него текла своим чередом, без лишних тягот.

В округе Нинпин Гранатовый переулок, где обосновалась семья Ли, был первым в ряду, а за ним тянулись еще три. Задние ворота их двора упирались в глухую стену — обратную сторону домов второго переулочка. Поэтому на их улочке двери были только с одной стороны, и людей здесь было не так много. Ли Чжоучжоу это очень нравилось: будь дома друг напротив друга, шуму и суеты было бы в разы больше.

Рано утром, еще до рассвета, Ли Чжоучжоу поднялся и стал одеваться. Стоило ему зашевелиться, как проснулся и сянгун. Гу Чжао тер глаза спросонья, и Ли Чжоучжоу, находя это несказанно милым, прошептал:

— Еще рано, сянгун. Поспи еще, а я пойду завтрак приготовлю.

— Нет, — Гу Чжао сел в постели. — Часов у нас нет, а сегодня первый учебный день. Лучше прийти пораньше.

Ли Чжоучжоу подал мужу одежду. Гу Чжао, окончательно проснувшись, заметил:

— Надену после завтрака.

Сейчас на нем были только нижние одежды, и дома всё равно никого не было.

— Замерзнешь.

— Да ты потрогай, Чжоучжоу, я совсем не мерзну, — Гу Чжао протянул руку, чтобы муж убедился, и добавил капризным тоном: — У академической формы рукава широкие, за едой неудобно будет. Вдруг капну чем? Негоже являться в академию в неопрятном виде.

Гу Чжао недолюбливал одежду с широкими рукавами. Его прежние халаты имели узкие обшлага, что было куда практичнее — закатаешь и делай что хочешь. Больше всего ему нравились простые куртки шухэ, которые носил Чжоучжоу: в них он чувствовал себя свободным.

Но в округе правила были иными. Стоило взглянуть на фасон формы, как становилось ясно: учёные мужи засмеют любого за узкие рукава. Такая одежда считалась признаком бедноты, которой нужно постоянно работать, а широкие рукава — символом высокого статуса и благородного досуга.

Синий длинный халат с широкими рукавами и черная квадратная шапка — таков был стандарт для сюцая. Весьма конфуцианский и строгий облик.

Ли Чжоучжоу отложил форму и принес мужу его привычную куртку.

— Ты только из постели, тело еще горячее. На улице свежо, надень.

— Слушаюсь, супруг мой, — Гу Чжао послушно накинул шухэ, даже не завязывая тесемок.

На улице еще царил темень. В деревне время определяли по солнцу или крику петухов, и если немного ошибался — беды не было. Но теперь Гу Чжао нужно было в академию, и он предпочитал прийти заранее.

Супруги принялись за дела: один набирал воду, другой разжигал огонь. Поставили вариться кашу и греть лепешки, которые Ли Чжоучжоу напек еще вчера. В такую погоду они отлично сохранились.

Вскоре на столе дымилась каша из желтого пшена, стояла миска с соленьями и теплые лепешки. Они умылись прямо под навесом у главного дома — так было удобнее сливать воду. Когда завтрак был закончен, небо только начало светлеть. Гу Чжао принялся облачаться в форму.

— Чжоучжоу, помоги с шапкой, я сзади не вижу, как завязать.

Ли Чжоучжоу тут же подошел, поправил головной убор и ладонями разгладил складки на халате.

— Сянгун, а сумка?

— Точно, чуть не забыл!

Гу Чжао подхватил сумку и нежно коснулся губами щеки мужа.

— Я ухожу.

— С богом, — Ли Чжоучжоу проводил его до самых ворот.

Гу Чжао шел быстро. Дорога до арки академии заняла около двадцати минут, и еще десять ушло на то, чтобы подняться к главным воротам. У входа уже толпились ученики, живущие в городе. Под аркой стоял наставник, проверявший внешний вид. Городские сюцаи подавали ему свои именные дощечки, и тот, убедившись в опрятности ученика, пропускал его внутрь.

Гу Чжао это напомнило школьные будни из его прошлой жизни: завуч у ворот ловит тех, кто пришел без формы или не по форме. Он протянул свою дощечку и, подражая другим, вежливо поклонился:

— Доброго утра, учитель.

— Проходи, — кивнул наставник, возвращая пропуск.

Поднявшись по ступеням, Гу Чжао увидел небольшую беседку с колоколом под вековой сосной. Ученик в такой же форме трижды ударил в колокол. Было без двадцати семь. Гулкий звук меди поплыл над академией Цинпин, пробуждая тех, кто еще мешкал в общежитиях.

В академии было шесть классов: по два на каждый уровень обучения, разделенных на «высший», «средний» и «начальный» в зависимости от успехов. Сюцаи, получившие звание раньше Гу Чжао, учились в классах с пометкой «Цин», а новички, вроде него, — в классах «Пин».

Государственная академия не была местом для вечных студентов. Срок обучения был ограничен: три года до первой попытки, максимум — шесть лет. Если за это время ты так и не продвинулся дальше, изволь собирать вещи и освобождать место для других.

Класс Гу Чжао назывался Пин Цзя. По сути — первый класс первого курса. Учёный Чжу из их городка, получивший звание на два года раньше, учился теперь в классе Цин — скорее всего, во втором или третьем по успеваемости.

Гу Чжао нашел свое место, разложил книги, кисти, тушечницу и брусок туши. Тут же к нему подошел один из соучеников:

— Наконец-то! Я тут уже несколько дней, всё ждал, когда остальные подтянутся. Ты с какого места в списке? Откуда родом?

Перед ним стоял классический любитель допросов. Гу Чжао вежливо улыбнулся:

— Лицо ваше кажется мне знакомым... Неужто мы сдавали экзамены в одном потоке?

— Вполне возможно! Мои предки из городка Пинъань. Зовут меня Чжэн Хуэй, мне двадцать шесть. В сорок четвертом году эры Канцзин я...

Чжэн Хуэй принялся в деталях излагать свою биографию: когда стал тяньшэном, когда — сюцаем, сколько раз проваливался и что в этом году занял почетное шестое место. Когда он наконец закончил и Гу Чжао собрался было ответить, снова пробил колокол.

— Ах, какая жалость, — притворно вздохнул Гу Чжао. — Урок начинается. В полдень мы обязательно продолжим нашу беседу, брат Чжэн.

— Договорились! — Чжэн Хуэй поспешил на свое место.

Лишь когда вошел учитель, до Чжэн Хуэя дошло: он выложил новому знакомому всё о себе, но так и не узнал даже его имени.

В Гранатовом переулке Ли Чжоучжоу, проводив мужа, перемыл посуду и остался один в тихом дворе. Тишина непривычно давила на уши. Немного посидев без дела, он достал веревку и натянул её через весь двор: погода была чудесная, и он решил просушить постели и постирать вещи.

Но эта работа была слишком легкой. Всё, что требовало стирки, он перемыл еще в первые дни. Прошло совсем немного времени, и Ли Чжоучжоу снова остался без дела. Теперь во дворе не было ни свиней, ни кур — не нужно было ни косить траву, ни таскать воду ведрами от реки. Раньше у воды он мог поболтать с Син-гэ'эром, а здесь он был совсем один.

Он замер посреди двора, глядя на свои руки. Без хозяйства и полевых работ он чувствовал себя бесполезным.

«Сянгун меня хвалил за трудолюбие, а теперь я кто? — с горечью подумал он. — Просто городской бездельник?»

Такое положение дел ему совсем не нравилось, но он не знал, за что взяться. Всю жизнь он провел в деревне Сипин, выбираясь разве что в город Нинсун за покупками. Округ был для него огромен, полон незнакомых людей и шума. Ему было немного страшно выходить за ворота в одиночку.

Из-за забора доносились детские голоса.

— Саньнян, Саньнян! Не сердись на меня, я тебе булочку с красной фасолью принес, сладкую-пресладкую!

— А мама сказала, чтобы я у тебя ничего не брала!

Из соседней лавки семьи Сюй, той, что торговала баоцзы, доносились крики покупателей.

— С пылу с жару! Баоцзы с фасолевой пастой! Три вэня, получите сдачу!

— Сяо Вэнь! Схватил булку и поминай как звали! Где этот негодник? — донесся голос старухи.

— Да съел, наверное, делов-то, — отозвался мужской голос. — Не жалея для внука-то.

— Да я не жалею! Просто унес куда-то, хоть бы сам съел...

Ли Чжоучжоу слушал эти звуки и вспоминал вчерашнее знакомство. Соседи Чжаны делают укус, а соседи Сюй торгуют выпечкой. Тот озорник Сяо Вэнь, напугавший Саньян жуком, — внук старухи Сюй. С другой стороны жили владельцы лавки вонтонов, но их имен он еще не знал.

Эти живые звуки за стеной придали ему смелости. Он вспомнил, как они с отцом только переехали на пустырь и жили в лачуге. По ночам ветер выл так, что казалось — привидения плачут. Деревенские кумушки пугали его рассказами о нечисти, которая крадет непослушных детей.

Но потом страх ушел. Наверное, потому, что днем он слишком скучал по отцу, много работал и часто засыпал голодным, думая лишь о том, что удастся поесть завтра. Призраки отступили перед реальными заботами.

Позже, когда отец пропадал в поле, а в доме не было соли, Ли Чжоучжоу понял: нельзя ждать, когда отец вернется голодным и уставшим в холодный дом. И он, тринадцатилетний мальчишка, набравшись храбрости, отправился в город один.

Тогда дорога казалась ему бесконечной, а люди — подозрительными. Он боялся, что его обманут или отберут деньги. Но он вернулся с солью и мясом, отец поел — и во второй раз страха уже не было.

«Округ — это просто большой город, чего мне бояться? — подумал он. — Я уже не тринадцатилетний ребенок. Если заблужусь — спрошу дорогу, я ведь знаю, где находится академия. Негоже прятаться во дворе».

Ли Чжоучжоу вымыл руки, взял немного денег, запер ворота и решил прогуляться. Далеко уходить не стал — просто дошел до главной улицы, чтобы посмотреть, как живут люди.

Главная улица кипела жизнью. Лавки со съестным перемежались с лотками уличных торговцев: кто-то предлагал ленты и заколки, кто-то — горячее соевое молоко, кто-то — свежую зелень. Ли Чжоучжоу с интересом разглядывал овощи. Кочан пекинской капусты, который в деревне он просто срывал на заднем дворе, здесь стоил три вэня за десять.

Ли Чжоучжоу стало жалко денег. У них во дворе как раз было пустое место — можно было бы посадить и капусту, и огурцы, и лук с чесноком. Только вот где взять семена?

— Супруг учёного Гу! — раздался голос.

Это была госпожа Чжоу из уксусной лавки. Она едва не назвала его женой учёного, но вовремя вспомнила, что он — глава дома, и поправилась:

— Ли Чжоучжоу!

Хоть он и был гэ'эром, называть его просто по имени было бы слишком фамильярно, но госпожа Чжоу хотела подружиться с семьей учёного, поэтому старалась быть любезной. Тот подошел к ней. В лавке сейчас никого не было, её муж возился с чанами на заднем дворе.

— Доброго утра, госпожа Чжан.

— И тебе доброго, — улыбнулась та. — Вышел прикупить чего?

Ли Чжоучжоу спросил, где можно найти семена для огорода.

— Ох, и не сидится же тебе без дела! Муж — учёный, живи себе в свое удовольствие, а ты всё о грядках думаешь, — госпожа Чжоу хоть и подивилась, но дорогу объяснила охотно.

Стоило Ли Чжоучжоу уйти, как вышел муж соседки с чаном уксуса.

— О чем болтали?

— Да всё о новых соседях.

— О том примаке-сюцае?

— Нет, о его муже, Ли, — госпожа Чжоу помогла мужу приподнять тяжелый чан. — Подумай только: приехали в город учиться, а он всё о грядках печется. Как бы кур не завел, будем потом от запаха мучиться.

— Деревенские привычки так просто не вытравишь, — хмыкнул муж.

Впрочем, в округе многие держали птицу. В их Гранатовом переулке больше половины семей имели курятники. Сама госпожа Чжоу кур не любила из-за грязи, да и три дочери в доме помогали — нужды в лишних хлопотах не было. Но позлословить о соседях — это святое.

Ли Чжоучжоу отправился в восточную часть города. Дорога казалась знакомой: вскоре он увидел постоянный двор, где они останавливались раньше, и книжную лавку, куда Гу Чжао ходил читать. Лавка семян притаилась в небольшом переулке неподалеку.

Купив семена, Ли Чжоучжоу не стал спешить домой. Рядом с книжной лавкой он приметил мастерскую готового платья. Сквозь витрину он увидел выставленную форму академии Цинпин и зашел внутрь. Там выяснилось, что купить её может не каждый.

— Нужно предъявить дощечку из академии, — пояснил приказчик.

— Мой сянгун там учится, мы только приехали, — ответил Ли Чжоучжоу.

Приказчик тут же сменил тон на более почтительный:

— Ах, так вы — супруг уважаемого учёного! В академии выдают по одному комплекту, но многие заказывают запасной — на случай, если форма испачкается. Какого роста ваш почтенный муж?

Тот покачал головой:

— Заказывать мы пока не будем. Я лишь хотел спросить... Одежда у вас висит такая ровная, ни единой складочки. Как вы этого добиваетесь?

Приказчик достал медный утюг-чайник.

— Для легких тканей наливаем внутрь горячую воду, для плотных — кладем раскаленные угли. Штука дорогая, для дома покупать накладно. Можно взять керамический, он дешевле, но хрупкий.

Ли Чжоучжоу поблагодарил его. Он подумал, что дома у них есть большая железная кружка — можно попробовать использовать её. Приказчик вежливо проводил его до дверей, хотя тот ничего не купил.

«Всё-таки не все в городе смотрят на нас свысока», — подумал он.

Возвращаясь, он размышлял о людях. Соседка Чжан хоть и любезна, но в её словах нет-нет да и проскользнет пренебрежение к деревенским. Ну и пусть. Живём своей жизнью, лишь бы нам было хорошо. Иногда те, кто поначалу кажется недобрый, со временем раскрываются с лучшей стороны. Кто бы мог подумать в деревне Сипин, что госпожа Тянь когда-нибудь извинится перед ним, а тётушка Ван, напротив, затаит обиду? Жизнь непредсказуема.

Обед у Ли Чжоучжоу был простым — тарелка лапши. Весь остаток дня он провел во дворе:

перекопал землю под огород и хорошенько её полил. Завтра нужно будет пройтись еще раз. Чтобы огород не выглядел неопрятно, он использовал обрезки досок, оставшиеся от навеса для мула. Распилил их, вкопал в землю и обложил по периметру обломками кирпичей. Получился аккуратный заборчик. Двор сразу преобразился.

Закончив, он принялся за ужин.

В пять вечера в академии закончились занятия. Гу Чжао только начал собирать сумку, когда за спиной раздалось:

— Чжао-ди!

Гу Чжао невольно вздрогнул. Весь день он слышал это обращение, и каждый раз оно казалось ему чересчур приторным. Но среди учёных так было принято: старших соучеников звали «брат Икс», младших — «младший брат Икс». Почему его зовут Чжао-ди, а не Гу-ди? В этом крылась особая тонкость: звать по имени разрешалось только близким друзьям.

Гу Чжао обернулся с приветливой улыбкой.

— Что такое, брат Чжэн?

— Чжао-ди уже домой собрался? А я хотел предложить заглянуть в книжную лавку. Говорят, привезли новинки из столицы. — Чжэн Хуэй понизил голос до заговорщицкого шепота: — И даже иллюстрированные повести.

Гу Чжао мысленно усмехнулся. Желание сходить после уроков в библиотеку еще можно было назвать тягой к знаниям, но иллюстрированные повести — это уже чистой воды развлечение.

Чжэн Хуэй, хоть и сдал экзамен в одном потоке с ним, приехал в округ на полмесяца раньше и уже успел изучить все лавки и трактиры. Он жил в общежитии при академии. Пятеро из их шестерки отличников уже приступили к занятиям. С остальными тремя соученик общего языка не нашел — отношения были прохладными.

— Я переехал всего несколько дней назад, — ответил Гу Чжао. — Сегодня первый день занятий, супруг ждет дома. Если задержусь, он будет волноваться. Давай в другой раз, когда я его предупрежу.

В академии Цинпин трудно было найти неженатого сюаца. Здесь женились рано. Почти у всех учеников были семьи, а у многих — и по двое-трое детей. Юных гениев, получивших звание в пятнадцать лет, в их наборе не было. В их классе большинству было за двадцать, а в параллельных классах встречались и сорокалетние сюацаи, у которых уже подрастали внуки.

— Ох, Чжао-ди, неужто ты — подкаблучник? — разочарованно протянул Чжэн Хуэй.

Он надеялся задеть Гу Чжао, ведь мало какой мужчина признается в слабости перед женой, особенно в кругу учёных. Но он не знал, что тот души не чает в своем муже.

— Брат Чжэн, вы так проникательны! — радостно воскликнул Гу Чжао, и добавил с сочувствием: — А вы, бедняга, живете в общежитии совсем один, без ласки и заботы супруги... Как же вам, должно быть, одиноко и грустно!

Он тяжело вздохнул, похлопал опешившего Чжэн Хуэя по плечу и помахал рукой на прощание. Собеседник застыл в недоумении. Лишь через пару секунд он подхватил сумку и догнал Гу Чжао.

— Ладно-ладно, пойду сегодня один. В следующий раз составишь компанию.

Они вместе вышли за ворота и зашагали вниз по ступеням.

— Тебе в эту сторону? Отлично, нам по пути. Как дочитаю книгу — дам тебе первому.

— Благодарю, брат Чжэн, — на этот раз Гу Чжао не отказался.

Они шли, обсуждая учебу. Сокурсник оказался болтливый и на редкость прямолинейным — порой до бестактности. Обычный сюцай после вежливого отказа Гу Чжао сказал бы что-нибудь вроде «в следующий раз», но Чжэн Хуэй полез напролом. Они были знакомы меньше суток, и такие вольности обычно не прощаются. Будь на месте Гу Чжао кто-то другой, он бы затаил обиду.

Через полчаса они дошли до Гранатовой улицы.

— Мне сюда, — попрощался Гу Чжао.

— Так твой дом совсем рядом с книжной лавкой! И десяти минут не идти. Раз уж не хочешь вместе читать, так хоть до дороги провожать меня будешь, чтобы не скучно было. До завтра!

Они разошлись. Гу Чжао свернул в переулок и подошел к знакомым воротам. Было заперто. Он дважды постучал и стал ждать. За дверью слышались торопливые шаги, засов щелкнул, и супруги, увидев друг друга, невольно заулыбались. Не было никакой причины для смеха — просто они не виделись целый день и были искренне рады встрече.

Ли Чжоучжоу потянулся за сумкой мужа, но тот мягко отстранился:

— Не нужно, я сам.

— Ну как же так, сянгун? Это ведь моя обязанность.

Гу Чжао не считал, что Ли Чжоучжоу обязан быть его слугой. Он верил в равенство и взаимную заботу. Но тот был воспитан в традициях, где муж — это небо.

— Закрывай скорее ворота, а то серый волк проберется! — в шутку припугнул его Гу Чжао и быстро зашагал в дом.

Ли Чжоучжоу рассмеялся, его глаза превратились в веселые полумесяцы. Он запер засов и пошел следом:

— Не боюсь я твоего волка!

Гу Чжао бросил сумку на круглый стол и перехватил руку мужа.

— А я вот боюсь. Вдруг волк утащит моего прекрасного маленького сюцай, пока я не вижу? Ведь я весь принадлежу моему Чжоучжоу.

Тот не мог перестать улыбаться: муж порой вел себя как совершенное дитя.

— Кто же так сам себя хвалит?

— А разве я не твой прекрасный сюцай? — Гу Чжао игриво выгнул бровь.

Сердце Ли Чжоучжоу пропустило удар, уши запылали:

— Мой. Самый лучший.

Пожинали рано, еще до темноты. Гу Чжао заметил аккуратный огород во дворе и не поскупился на похвалу, заботливо спрашивая, не устал ли муж.

— Да что ты, какая это усталость? Завтра еще раз пройдуся — и можно будет капусту сажать.

Когда всё было убрано, наступила ночь. В округе соблюдали комендантский час, и после девяти вечера на улицах жилых кварталов показываться не стоило. Впрочем, стражники смотрели на это сквозь пальцы. Лишь Красный двор открыто сиял огнями всю ночь напролет.

Около семи вечера супруги уже умылись и легли в постель. Спать было еще рано, и Гу Чжао

принялся рассказывать о своем первом учебном дне, делясь новостями. Он сжал руку Ли Чжоучжоу в своей:

— Познакомился я сегодня с одним человеком, зовут его Чжэн Хуэй...

<http://bllate.org/book/15349/1427715>